

УДК 81

Н.С. Гуторова

Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону, Россия

tysik2802@yandex.ru

**АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМЫ
КАК КОНСТИТУЕНТ РЕЧЕВОГО ИМИДЖА АВТОРА**

**[Gutorova N.S. English-americanisms
as constituent of speech image of the author]**

Loans, in particular, English-Americanisms existing in Russian from the point of view of their role in formation of speech image of authors of works of different genres are considered. This problem is investigated on the example of works of three modern writers – Vladimir Novikov, Zakhar Prilepin and Kushanashvili's Flock, whose creativity can be referred to model literature. The paradigm of functions of English-Americanisms in different types of the Russian discourse in the XXI century, first of all, their ability to serve as various stylistic means, and also the tool for the nomination, a dokumentalization and a tropeization for the purpose of formation of an ironical modality that stimulates enrichment of modern Russian and a discourse comes to light. Extent of functioning of these or those types Anglo-americanisms in works of the above-named authors, and also the factors causing requirement for their use is studied.

Key words: english-americanisms, constituent, speech image, loan, nomination, dokumentalization, tropeization.

Многочисленные дискуссии о мере использования непрерывно появляющихся в русском языке заимствований вообще и англо-американизмов в частности отражают актуальность данной проблемы. Подобные дискуссии имеют итогом следующее положение: к иноязычиям не применима простая дихотомия с положительным и отрицательным полюсами, уместность иноязычного элемента – слова, морфемы, буквы, фразы – зависит от многих обстоятельств, от широкого контекста ситуации. Цель данной работы заключается в том, чтобы на примере произведений трех современных авторов – Вл. Новикова, З. Прилепина и О. Кушанашвили – показать, как иноязычные единицы вводятся в ткань художественного или публицистического произведения и каким образом они создают речевой имидж автора. Анализ заимствований с такой точки зрения способствовал бы более глубокому исследованию проблемы индивидуальности языка автора.

Вл. Новиков – автор знаменитого «Романа с языком» и серии эссе «Сорок два свидания с русской речью», автор многочисленных книг и литературоведческих статей, автор первого в отечественной лексикографии «Словаря модных слов», профессор-филолог, хорошо известный не только у нас в стране, но и за рубежом. Научный авторитет и безупречный лингвистический вкус делают его тексты наиболее оптимальными для решения поставленной задачи. В этих текстах заведомо исключено небрежное, неудачное использование иноязычных единиц.

Текст изобилует англо-американизмами, которые, с точки зрения пуриста, могут быть заменены исконными словами:

Вот, например, замечаний она мне никогда не делала, хотя самое начало нашей лав-стори имело ярко выраженный педагогический характер.

Выросший в типичной профессорско-преподавательской семье, где на каждого члена приходилось по 0,83 защищенной диссертации, я выслушал за двадцать два года столько энергичных поучений, что в результате остался диковатым тинэйджером, каждый шаг которого – неловкость или неприличие.

Пошатываясь, как тинэйджер, впервые хлебнувший портвейна, ступаю по изменившейся в лице весенней улице.

Ведь те же байты моей памяти могли быть заняты футболом.

...Настин друг время от времени получает заказ на выколачивание денег из кредиторов, на взыскание недоимок по рэкету.

Как бы то ни было, рейтинг в институте у меня неважнецкий.

Главный герой «Романа с языком» – профессор-филолог, и роман насыщен замечательными рассуждениями этого персонажа о языковых явлениях. Остановимся на тех из них, которые касаются интересующей нас темы – иноязычных единиц в русском языке. Прежде всего, для главного героя очевидно, что «иное на ином языке не мыслится» и он не просто пользуется обычным для билингва приемом «переключения кода», но и пространно комментирует свой языковой выбор.

Ср., как с помощью французских, немецких, итальянских и английских названий проясняются важные для автора мысли:

А в институте я окружен невыносимой деликатностью и сочувствием <...>. Все правильно: люди – не скажу: «общество», «народ», а просто некоторая совокупность человек, короче и удобнее всего именуемая словом «люди» (нем. «лейти», франц. «жан», итал., «дженте»; англоязыкие, впро-

чем, отдыхают: их «**нипл**» слишком отдает латинским «популюсом», от «вокса» которого уже воротит) – так вот, эти люди приходят на помощь, чтобы поддержать (и вместе с тем удержат) тебя на общей житейской горизонтали; лишь отдельные нелюди втайне радуются, когда ты опустился ниже ватер-линии и уже наглотался летейской водички.

Автор конструирует из англоязычных корней слова, которые, как ему представляется, точнее передают мысль, чем русские описательные аналоги:

*И вечная по улицам ходьба – вот мое главное и истинное призвание. **Стрит-уокер** – так бы я обозначил свою сущность, если бы это слово, как и целый ряд других слов английского языка, не имело бы значения «проститутка».*

Автора интересуют возможности различных языков передавать сходные смыслы, и он фиксирует внимание читателя (даже такого, у кого в интеллектуальном багаже только «школьный английский со словарем») на таких фактах:

Что значит «нравишься»? Слово из лексикона средней школы. Классе в седьмом-восьмом, когда глагол «любить» казался слишком взрослым, говорили, к примеру: «Ивановой нравится Петров <...>. Кстати, не только в русском простонародном, но и в английском та же оппозиция: like – love. “The peacock I like, but the dove I love” – что-то вроде этого, да?

Новые англо-американизмы в русском языке оцениваются в широком лингвокультурном контексте:

*Я попал, как многие, в положение досрочного пенсионера. Пенсии, правда, не платят, зато – свобода. Раз или два в неделю прочел пару-тройку лекций взволнованным девушкам и сосредоточенным юношам – и все. К тому же появилась такая штука, как **гранты**. Сначала само слово вызывало у меня эмоциональное отталкивание: почему-то этот «**грант**» в моем сознании прочно связывался еще в юные годы со строкой из шекспировского сонета, номера сейчас не помню, того, что нарочито выдержан в юридической терминологии. Так там примерно: “For how do I hold you but by the granting // And for these riches where is my deserving? И дальше: “So thy great gift upon misprision growing // Comes home again on better judgement making”. К этому тексту даются две комментирующие сноски:*

1. В переводе С. Маршака: *Я как подарком пользуюсь любовью, // Заслугами не куплена она». С учетом обновления русской лексики этот текст сегодня можно отредактировать: Я, словно грантом, пользуюсь любовью...*

2. У С. Маршака: *И не по праву взятую награду // Я сохранял до нынешнего дня.*

Вл. Новиков прибегает к макароническим вкраплениям, когда использование исконного аналога разрушило бы ироническую модальность повествования:

Ну, чем я себя на этот раз побалую? <...> Прикупить в «Новоарбатском» бутылку виски, название которого – «Тичерз» - довольно издевательски контрастирует с доходами российских «тичеров»?

Вл. Новиков использует иноязычные единицы, создавая прием лингвистической метафоры, которая служит текстовой скрепой:

*Вернемся, однако, в **Past Continuous**, в прошлое продолжающееся. За столом, оказавшись между сообразительной хозяйкой и вновь обретенной неуловимой врачихой, я продолжаю на последнюю обижаться, старательно уклоняясь влево, адресуя свои пошлые мадригалы Лене.*

Причем, как видим, автор заботится о читателе, не превращая иноязычные вкрапления в средство агрессивной демонстрации языковой компетенции. Иноязычные вкрапления необходимы Вл. Новикову для передачи выражений, которые соответствуют западным представлениям о политкорректности:

*Но и в самолете мне не спится, неспешно дочитываю книжку Питера Мэйла «Год в Провансе». Между прочим, совсем неизвестный у нас тип литературы. Про автора сообщается в аннотации, что он работал в рекламном бизнесе, потом что-то администрировал, теперь только книги пишет. Про возраст его сказано очень тонко: «**He is approaching fifty as slowly as possible**» (Он приближается к пятидесяти как можно медленнее).*

Как видим, важнейшие свои мысли о сути времени и о позиции человека автор передает с опорой на иноязычные лексические средства.

Рассмотрим далее роль иноязычий в творчестве писателя молодого поколения – Захара Прилепина, лауреата нескольких престижных литературных премий, известного журналиста, телеведущего и блоггера. Его называют одним из брендов современной литературы, его роль в обновлении современного русского языка бесспорна. 3. Прилепин в своей публицистике высказался и по поводу современного состояния русского языка:

Русский язык нахватал всякой заразы в пору «расцвета демократии», сопровождавшейся не только ваучеризацией и приватизацией, но и непрерывными латиноамериканскими сериалами с их навязчивой и весьма бестолковой лексикой («Россию спасут армия, флот и реформа русского язык»).

З. Прилепин стремится объяснить сущность явлений, которые пришли в нашу действительность вместе с заимствованиями:

Продюсерский продукт никогда не станет откровением. Продюсер не хочет выговориться, он хочет заработать (Мы лишь добавляем в тему бит и бас. Заметки о русском рэпе).

Актуальные наименования нередко используются З. Прилепиным в ироническом ключе. Ирония, в отличие от простой насмешки, характеризуется завуалированностью: критичность и колкость в ней затемнены, но в то же время ирония граничит с пренебрежением и отрицательной оценкой объекта иронии. Фактически ирония дискредитирует объект, причем автор дистанцируется от объекта иронии:

Смотрите, как много всего появилось нового, любопытного, непривычного: демократия, Ксения Собчак, оборотни в погонах, эскорт-услуги, наркомания и миллион молодых, полных сил наркоманов, национальный вопрос, Бен Ладен, мобильные телефоны, айподы, пинкоды, компьютерные игры, леорадикалы, праворадикалы, «единороссы», серфинг, дайвинг, шопинг (Мы лишь добавляем в тему бит и бас. Заметки о русском рэпе).

Он охотно использует сленговые англо-американизмы, которые экспрессивно передает соответствующие понятия:

Однако время сейчас такое, что всем нужен кэш, бабло, килограммы ароматной зеленой бумаги («Яма»). Кэш, согласно Словарю современного молодежного жаргона М.А. Грачева, – «наличные деньги», от англ. «cash» – «мелочь»).

Еще в большей степени к субстандартным англо-американизмам тяготеет О. Кушанашвили – один из самых известных журналистов и музыкальных критиков в нашей стране:

Я был очевидцем ссоры, благодаря небесам и мне, очевидно, не переросшей в махаловку патентоавного лузера, которого я знаю со времен восстания Спартака, и патетичного нытика, которого знал с момента начала знатного выпивона и который тоже внушал отвращение.

Она снится мне, когда ветер гнет деревья в саду <...>. Когда кажется, что весь факинг-мир предал тебя... («Я и путыи»).

Инвективную сферу О. Кушанашвили называет особым жанром и пишет о том, что владеет ею «виртуозно», с чем трудно не согласиться. Он активно

использует «переключение кода», если англоязычный вариант представляется ему более выразительным или лаконичным. Первая глава книги «Я и путь» названа *Моя балерина. Про **First love***. Ср. там же:

*А я ведь, старый пень, все время талдычу, что если нас что и спасет, то только **Love**.*

Очевидно, О. Кушанашвили хочет избежать пафосности и тривиальности, его заголовок не должен напоминать ни «Первую любовь» И.С. Тургенева, ни «Повесть о первой любви» Р. Фраермана – поэтому использованы англицизмы. Напротив, когда О. Кушанашвили хочет дистанцироваться от какой-то группы, которая использует англицизм, он это делает:

*Все-таки «Каникулы в Мексике» - это не строительство узкоколейки из «Как закалялась сталь». Это просто «**фан**», как говорите вы, и дурацкие, идиотские приключения, как говорю я («Я и путь»).*

*Кстати, за употребление варваризмов мы во время интервью немного друг друга пошпыняли, поскольку ни он, ни я варваризмов не любим. Поэтому вместо «**фронтмена**» прошу использовать слово «лидер».*

*Вася Гончаров был **фронтменом** – да простит мне Евгений Фридлянд за это слово – группы «Чебоза» из Питера («Эпоха и Я»).*

Наиболее обычная функция англо-американизмов в текстах О. Кушанашвили – номинация новых реалий, причем их характеристика на редкость оригинальна и выразительна:

*По его суждению, нулевые стали триумфом манерных, чему споспешествовали «все эти **фейсбуки**, приватизировавшие все живое и умеющее рождать идеи» («Я и путь»).*

Новые актуальные наименования используются и метафорически, а значит – оценочно:

*Разумеется, дело закончилось **моральным дефолтом** (О. Кушанашвили «Я и путь»).*

Я до сих пор не знаю слова «чимейлз», а слово «гламур» не знает меня («Эпоха и Я»).

Сравнения, с помощью которых объясняется сущность новых понятий, неожиданны и в высшей степени выразительны:

В эпоху Интернета **пиар** стал жестоким, как Саддам Хусейн после концерта Эроса Рамазотти окончательно уяснил, что и **пиар** и обаяние редко ходят рука об руку... («Эпоха и Я»).

О. Кушанашвили нередко использует окказиональные производные, образованные от «ключевых» англо-американизмов:

Ср.: Смешные бабушки, повергнувшие в прах наших нелепых копиистов Тимберлейка, Агилеры и прочих носителей **пригламуренной** мути, вызовет живейшую реакцию Европы («Я и путын»).

Англо-американизмы используются для создания иронической интонации, иногда для этого достаточно даже служебного слова. Как отмечает О.П. Ермакова [1, с. 179], «иронии подвластны все слова и все типы значений (включая и метафорические) всех частей речи: знаменательных и местоименных, самостоятельных и служебных (частицы), а также модальных». Так, О. Кушанашвили пишет:

Понятно, пуберантные дела, но там не Пригожина (на зарплате у жены), там серьезные люди с дежурным нюхом. Так, мордочка есть? Есть! Голосок? Неизменно сладенький. Характер? Перекуем, если что? Вкусный «look» доделаем... Так-так, теперь книга. За ней парфюм, расширяем фронт работ.

*Звезда НТВ Леонид Закошанский, в программах которого я снимаюсь чаще, чем С. Михайлов произносит слово «Боженька», искусился вести вербальный **спарринг** («Я и путын»).*

Как видим, одним из средств иронии является графическая игра. Ироническое высказывание позволяет выразить большую гамму чувств в одной реплике. Стилистическая функция иронии связана прежде с эмоционально-эстетической оценкой объекта, однако в иронических высказываниях О. Кушанашвили не менее значима информативность. Известны различные типы иронии: доброжелательная, шутливая, легкая, тонкая, язвительная, презрительная, осуждающая и т.п. О. Кушанашвили, пишущий «о шоу-бизе», чаще использует иронию язвительную, хотя и все другие оттенки ему подвластны. «Иронию можно рассматривать в качестве одной из фундаментальных особенностей художественного языка XX века, так как иронический принцип, понятый как принцип дистанцирования от непосредственно высказанного, принцип неуверенности в возможности прямого высказывания является конститутивной чертой мышления XX века» [2, с. 355]. Очевидно, что

в XXI веке роль иронии только возросла, ироническое высказывание становится доминирующим во многих речевых жанрах, что отражает распространенность иронической коммуникации.

Итак, анализ текстов современной образцовой (на наш взгляд) литературы – прозы Вл. Новикова, З. Прилепина и публицистики О. Кушанашвили – убедительно показал, сколь многообразны функции англо-американизмов в различных видах русского дискурса в XXI веке. Все три автора, будучи убежденными поборниками экологического подхода к языку (что проявляется и в прямых высказываниях на эту тему, приведенных в работе, и – что главное – проявляется в самом духе их произведений), активно используют все типы англо-американизмов. Англо-американизмы служат средством номинации (иногда – единственным), документализации и тропеизации (прежде всего – для формирования иронической модальности). Многие из тех слов, которые фигурируют в статьях нынешних пуристов как примеры «засорения» и «порчи», используются этими авторами в высшей степени уместно, а потому служат обогащению современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермакова О.С.* Ирония среди тропов // *Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина.* М., 2007.
2. *Золотарева С.А.* Ирония как деструкция знака // *Русский язык и активные процессы в современной речи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* М., 2003.

REFERENCES

1. *Ermakova O.S.* The irony among tropes // *Language in motion: the 70th anniversary of LP Rat.* Moscow, 2007.
2. *Zolotareva S.A.* Irony as a sign of destruction // *Russian language and active processes in modern speech: Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference.* M., 2003.

14 ноября 2014 г.